

АКАДЕМИИ НАУК СССР

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

На правах рукописи

УДК 882 - 7 (09) "16-17"

КЛИМОВА

Маргарита Николаевна

ПОВЕСТЬ ОБ АНДРЕЕ КРИТСКОМ

(Проблемы текстологии и литературной истории)

Специальность Ю.О.О.И - русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ленинград 1989

Работа выполнена в Отделе древнерусской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

Научный руководитель: доктор филологических наук
Панченко А.М.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Ромодановская Е.К.

кандидат филологических наук
Рождественская М.В.

Ведущая организация кафедра русской литературы Москов-
ского государственного университе-
та имени М.В.Ломоносова

Защита состоится " _____ " _____ 1989 г.
в " _____ " час на заседании специализированного совета
Д.002.43.02 при Институте русской литературы (Пушкинский Дом)
АН СССР (199164, Ленинград, наб.Макарова, 4).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Автореферат разослан " _____ " _____ 1989 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

В.К.Петухов

Сюжет о герое, убивающем отца и вступающем в брак с матерью, — сюжет Эдипа — относится к числу наиболее древних и распространенных в мировой литературе и фольклоре. В.Я.Пропп, исследовавший на обильном международном материале его соотношения с исторической действительностью, выделил внутри основного сюжета четыре типа: "Андрей Критский", "Иуда", "Григорий" и "Альбан".¹ Первые три типа "Эдипова сюжета" представлены в древнерусской литературе группой так называемых повестей о кровосмесителе (в нее входят Повесть об Андрее Критском, "Сказание Иеронима о Иуде-предателе" и Повесть о папе Григории). Эти произведения до сих пор изучены крайне слабо, хотя о необходимости их исследования уже писали наши ученые.² Особого и пристального внимания заслуживает при этом Повесть об Андрее Критском. Ее позднее возникновение (не ранее XVI в., в то время как другие повести о кровосмесителе были известны в Западной Европе с XII-XIII вв.), локальность ее распространения (только у восточных славян) и отсутствие западных параллелей, тесная связь с фольклором, наконец, ее идейно-художественное своеобразие — все это выделяет Повесть об Андрее Критском в ряду обработок "Эдипова сюжета", позволяя предположить ее восточнославянское происхождение, и требует ее серьезного изучения. Между тем, история исследования Повести ограничена немногочисленными дореволюционными работами во временном отрезке между 1860—1915 годами.

Начало изучения Повести было положено ее публикацией, осуществленной Н.И.Костомаровым по рукописи из собрания Ф.И.Буслаева (ныне ГПБ, О.ХУП.57).³ В дальнейшем памятник неоднократно привлекал внимание исследователей (в том числе Н.И.Костомарова, А.Н.Веселовского, М.П.Драгоманова, Н.К.Гудзия), однако обычно он рассматривался лишь в общем ряду обработок "Эдипова сюжета". Суждения и предположения о самой Повести носили, как правило, характер отдельных замечаний и основывались только на данных "буслаевского списка". Так, В.Дидерикс считал Повесть

---

¹Пропп В.Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С.260—261.

²Державина О.А. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т.20. С.242.

³Памятники старинной русской литературы. СПб, 1860. Вып.2. С.415—417.

результатом соединения нескольких более ранних обработок сюжета, возводя ее текст к недошедшему южнославянскому оригиналу. Единственный аргумент при этом – нерусское имя отца героя ("поуливачь") в "буслаевском списке".¹ А.Н.Веселовский высказал предположение о греческом источнике, к которому через южнославянское посредство восходит древнерусская повесть. Он также предположил, что соединение "Эдипова сюжета" с именем византийского церковного писателя Андрея Критского произошло под влиянием его знаменитого Великого канона, герой которого – безумный грешник – был отождествлен с самим автором.² Напротив, Н.К.Гудзий аргументировано доказывал возможность восточнославянского происхождения памятника. В приложении к его статье был приведен другой список Повести, хронологически более ранний, нежели "буслаевский" и без имени отца.³ Однако текстологический анализ списков памятника не проводился, вследствие чего нерешенными остались и вопросы его литературной истории (в частности, вопрос о его происхождении).

научная новизна данной диссертации заключается в том, что это первое специальное исследование Повести об Андрее Критском.

Актуальность такого исследования обусловлена крайне слабой изученностью этого своеобразного произведения, активно переписываемого в течение трех веков, сохранив в значительном числе списков и, наконец, ушедшего в фольклор.

Цель данного исследования – проследить трехвековую историю памятника. Автор ставил следующие задачи:

- текстологически исследовать сохранившиеся списки Повести и создать на основании этого анализа стемму;
- попытаться решить вопрос о происхождении памятника;
- выявить идейно-художественное своеобразие Повести, обусловившее ее длительное сосуществование с другими обработками "Эдипова сюжета";

---

¹Diederichs V. Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Steine und der Sage von Judas Iscariot // Russische Revue. 1880. В. 19, 9. S.145-146.

²Веселовский А.Н. Андрей Критский в легенде о кровосмесителе и сказание об апостоле Андрее // Журнал Министерства народного просвещения. СПб, 1865. Т.239, № 6. С.231-237.

³Гудзий Н.К. К легендам об Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник. Варшава, 1916. №1. С.3-34.

- определить место памятника в литературном процессе конца XV—XVII веков;

- рассмотреть взаимоотношения Повести с фольклором;
- подготовить научное издание текстов произведения.

Решение этих задач потребовало применения метода текстологического анализа, а также сравнительно-исторического и историко-функционального методов. Теоретической и методологической основой диссертации явились общие и специальные исследования по вопросам истории и поэтики древнерусской литературы, а также других средневековых литератур и фольклора.

Практическое значение. Результаты исследования могут быть использованы при чтении лекционных и специальных курсов, а также архивистами при описании рукописных сборников. Научное издание текстов Повести представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Апробация работы. Различные этапы исследования докладывались на конференциях молодых ученых в ИИЯ СО АН СССР в 1979—1980 и 1982—86 гг., Четвертой межвузовской научной конференции "Проблемы метода и жанра в русской и советской литературе" (Томск, 1982 г.), конференции молодых специалистов, организованной Сектором древнерусской литературы ИРЛИ (1984 г.) и на одном из заседаний Сектора (1983 г.), а также публиковались в статьях сборников "Археография и источниковедение Сибири". Кроме того, Повесть подготовлена к публикации в "Памятниках литературы Древней Руси", написаны статьи о повестях на "Эдипов сюжет" для "Словаря книжников и книжности Древней Руси".

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и приложений.

Содержание диссертации. Во введении кратко излагается история изучения Повести, обосновывается актуальность исследования, ставятся его цель и задачи.

Первая глава "Текстологический анализ Повести об Андрее Критском" посвящена истории текста памятника. Для анализа привлекаются все 50 доступных в настоящий момент списков Повести (из известных 53); многие из них впервые вводятся в научный оборот автором диссертации.

В целом развитие текста памятника определялось несколькими факторами. Во-первых, это произведение находилось в постоянном взаимодействии с другими повестями о кровосмесителе (По-

вестью о папе Григории и "Сказанием Иеронима об Иуде-предателе", а также с группой рукописных произведений, объединяемых темой раскаявшегося разбойника. В конечном счете, подлинным ключом к пониманию эволюции любой из повестей на "Эдипов сюжет" должно явиться комплексное рассмотрение всего цикла, невозможное однако без детального изучения каждого произведения в отдельности. Так как другие повести о кровосмесителе изучены пока весьма слабо, в пределах данной работы они рассматриваются в самом общем виде и лишь на сюжетном уровне.

Во-вторых, все перечисленные произведения уходят в устное народное творчество, поэтому при анализе следует учитывать вероятное влияние фольклорных обработок "Эдипова сюжета", а также возможность фольклорного посредства в отдельных случаях.

Наконец, предпосылки к изменениям текста создавали гибкость и известная светскость самого сюжета, контаминированного в своей основе и предрасположенного к расширению отдельных эпизодов, что открывало путь для индивидуальных обработок.

Действие всех этих факторов привело к возникновению большого числа сильно различающихся списков Повести, распределяющихся по семи редакциям: краткой, распространенной, особой и четырем вторичным редакциям.

Краткая редакция Повести представлена двумя списками, один из которых (опубликованный Н.К.Гудзием) – древнейший список памятника (к.ХVI в). Краткая редакция – скупое, почти конспективное повествование, без особой детализации, мотивировок, личных имен и почти без прямой речи. Списки редакции сохранили следы сокращения более развернутого текста, отличного однако от известных списков Повести и сохранившего некоторые черты архаики, нигде более не встречающиеся.

Наиболее популярной у читателей оказалась распространенная редакция, представленная 41 списком XVII-XIX вв. Хотя первые полные ее списки датируются серединой XVIII в., возникновение ее следует отнести к более раннему времени, на что указывает ее краткий фрагмент рубежа XVI-XVII вв. Редакция возникает в результате расширения и детализации сюжетной схемы, в общем, совпадающей с краткой редакцией, но не тождественной ей: здесь появляются развернутые описания, психологические мотивировки, персонажи получают имена, активно вводится прямая речь. В результате рельефнее становится основная идея произведения (ис-

купительная сила покаяния), одновременно образ главного героя, едва намеченный в краткой редакции, приобретает отчетливость и индивидуальность.

Списки редакции чрезвычайно разнообразны. Текстологический анализ позволяет подразделить их на 12 вариантов, отличающихся разной степенью наполненности сюжетной схемой, наличием, отсутствием или заменой некоторых подробностей и даже целых сюжетных ходов. Популярность у переписчиков при этом снижали только варианты первый-третий и одиннадцатый.

Детализация текста, призванная, казалось бы, ярче выделить богословскую идею произведения, приводила ко все более свободному обращению с исходным материалом и появлению живых и весьма наглядных подробностей. Соответственно этому, в развитии текста распространенной редакции обнаруживаются две противоположные тенденции:

а/ усиление дидактики повествования, нередко сопровождающееся "окнижением" его языка, но проводимое непоследовательно и без учета идейно-художественной специфики памятника (варианты шестой, десятый, одиннадцатый, отчасти седьмой, "буслаевский список" третьего варианта);

б/ постепенное обытовление, обмирщение и беллетризация Повести с уклоном в сторону занимательности.

Вторая тенденция прослеживается и в особой редакции Повести (сохранившейся в единственном дефектном списке петровского времени). Особая редакция - авторская обработка общей сюжетной схемы, не обнаруживающая точек соприкосновения со списками распространенной редакции. Обработка отразила тяготение ее создателя к сюжетной стороне памятника при известном невнимании к церковной идее Повести.

Вторичные редакции - четыре независимые друг от друга вольные переработки распространенной редакции, возникающие с конца ХУП и в ХУШ вв. Они произвольно сочетают черты разных ее вариантов, сохраняя подчас следы предшествующего пересказа.

Вторичная десмановская редакция (названа по имени владельца ее единственного списка) характеризуется сильным расширением отдельных эпизодов за счет введения наглядных, сказочных или бытовых и подчас весьма трогательных подробностей и описаний. Указанная особенность отличает и другие произведения, включенные в этот сборник (повести о Петре и Февронии и царе

аггес), что позволяет предположить общее авторство обработок, возможно, авторство самого составителя и писца сборника.

Отличительная черта вторичной былинной редакции Повести (ее единственный список вошел в знаменитый "Красный сборник" собрания Соколова) - своеобразный "былинный склад" изложения с эпически замедленным темпом повествования и особой напевной ритмичностью, местами напоминающей народный песенный стих. Это общая особенность большинства произведений, включенных в "Красный сборник".

Вторичная сокращенная редакция (представлена тремя списками, подразделяемыми на два варианта) - беглый и несколько скомканный пересказ распространенной редакции. При этом ее нравоучительность немного сглаживается, а сюжетная схема деформируется под влиянием Повести о папе Григории и легенд о расклеванных разбойниках (сходные изменения наблюдаются в лесмановской редакции и 12-м варианте распространенной редакции).

Наконец, вторичная вахрамеевская редакция (также названа по имени первого владельца ее единственного списка) интересна акцентированием основной сюжетной перипетии (она даже выносится в заглавие) и введением занимательных и весьма "плотских" подробностей.

Восстановление истории текста Повести осложняется отрывочностью и явной недостаточностью сведений о ее начальном этапе (изолированное положение краткой редакции, относительно поздняя датировка первых полных списков основной (распространенной) редакции). По мнению автора, появление архетипа Повести об Андрее Критском относится, видимо, к концу XVI в. Этот архетип уже в своей основе представлял сложное соединение "бродячих" мотивов и сюжетов. Наиболее близким к нему представляется текст, к которому восходит краткая редакция, несколько сократившая его, но "законсервировавшая" некоторые важные приметы архетипа, утраченные позднейшими списками. Независимо от нее и довольно скоро в результате расширения и детализации сюжетной схемы архетипа возникает распространенная редакция. Детализация текста усугублялась постоянным воздействием родственных произведений литературы и фольклора, а также устных пересказов. Усиливалось с течением времени и весьма свободное отношение переписчиков к исходному тексту. Все это на протяжении XVI-XIX вв. привело к созданию 12 процентов распространенной редакции.

Изначальная двойственность природы Повести, сочетающей несколько сомнительную назидательность с несомненной занимательностью, в известной мере подготовила обе одновременные, но противоположно направленные тенденции в эволюции памятника. Создатели некоторых вариантов (особенно в старообрядческой среде) стремились усилить дидактику и "душеполезность" произведения. Однако более ощутимой стала другая тенденция – постепенное обмирщение и беллетризация Повести. Ее отразили авторская особая редакция и, наиболее явно, вторичные редакции. Их создатели, независимо друг от друга обрабатывавшие тексты распространенной редакции, вносили в повествование многочисленные новые подробности, бытовые или сказочные, "чувствительные" или физиологические. При этом нравоучительная идея Повести отступала на второй план, в то время как на передний выдвигались занимательная фабула и драматические переживания. Слабели и разрывались и без того непрочные связи героя Повести с его "прототипом" – автором Великого канона. Наконец, изменялось и жанровое восприятие памятника: нравоучительная повесть – "житие" превращалась в занимательное "сказание" или "гисторию" о необычном и трагическом происшествии, о чем предупреждало уже заглавие.

Вторая глава диссертации "Из литературной истории Повести об Андрее Критском" начинается с рассмотрения вопроса о происхождении памятника. Для этого привлекаются данные, полученные в результате текстологического анализа. Прежде всего, "буслаевский список" (единственный источник сведений о Повести для большинства ее исследователей) оказывается явно вторичным даже в пределах своего далеко не первоначального (третьего) варианта. Имя "Поуливачь" – главный аргумент сторонников иностранного происхождения памятника – индивидуальная особенность этого списка. Весьма возможно, что "иностранное имя" придумано самим создателем "буслаевского списка", весьма свободно относившимся к переписываемой им (и не слишком исправной) рукописи. Кроме того, сам вопрос об имени, по мнению автора, не играет такой уж большой роли. Во-первых, в архетипе Повести имена могли вообще отсутствовать (их нет в краткой редакции, сохранившей многие важные черты архетипа). Во-вторых, иностранное имя одного из персонажей произведения само по себе еще не является неопровержимым доказательством иностранного происхождения произведения в целом (так, в некоторых оригинальных памятниках древнерусской литературы используются фантастические или "значащие" иноязыч-

ные имена).

Решение вопроса о происхождении Повести (опираясь прежде всего на ее краткую редакцию) следует начать с анализа ее источников.

Одной из важнейших особенностей рассматриваемого произведения является то, что Повесть – апокрифическая биография византийского церковного писателя VII в. Андрея, архиепископа Критского, причисленного к лику святых православной церкви. При этом официально сообщаемые сведения об Андрее Критском (его житие вошло в Пролог и Великие Минеи четьи, "биографическая справка" включена в великий канон) не имеют ничего общего с Повестью. Единственным связующим звеном обеих "биографий" Критского архиепископа оказывается его известнейшее творение – Великий канон (в Повести Андрей пишет его во время покаяния в погребке). По мнению автора диссертации, Великий канон – выдающееся произведение византийской гимнографии – является и одним из важнейших источников апокрифической биографии его создателя.

Содержание канона – вопль души безымянного грешника, из бездны порока взывающего к богу с мольбой о спасении. При этом свое покаяние он постоянно иллюстрирует библейскими примерами, как бы примеряя к себе деяния ветхозаветных злодеев и праведников. Сами библейские эпизоды в покаянии едва обозначаются и подчас весьма своеобразно трактуются. Разумеется, исповедь героя канона была рассчитана на предельно обобщенное истолкование ("я" здесь – всякий человек, бесконечно грешный пред богом). Однако в восприятии некоторой части читателей–слушателей герой канона невольно сливался с самим его автором. Такое слияние и стало толчком к созданию новой "биографии" Андрея Критского, построенной на этот раз по образцу "жития великого грешника", весьма распространенному в агиографии. Правда, прямолинейное отождествление повествователя с автором более свойственно читателям нового времени, для древнерусской литературы оно едва ли не уникально. Впрочем, некоторую предпосылку ему создавало отсутствие в этой литературе осознанного вымысла.

Текст Великого канона содержит не только признания в отцеубийстве и инцесте (отсюда соединение имени Андрея Критского с "Эдиповым сюжетом"), но и другие "опорные точки" повествования (например, признания героя канона в распутстве и "женонеистовстве" сопоставимы с эпизодом соблазнения монахинь женского мо-

настыря). В распространенной редакции из канона заимствуются некоторые подробности и реплики персонажей, в известной мере он определил идейную направленность памятника и даже облик его главного героя.

При ответе на вопрос о месте создания апокрифической биографии Андрея Критского автор диссертации придерживается гипотезы Н.К.Гудзия о возможности зарождения ее на русской почве. Это, в частности, подтверждается примерами восточнославянского фольклора (так, знаменитая "великая грошница" Мария Египетская, житие которой читается в то же время, что и канон, называется в некоторых устных рассказах матерью Андрея Критского).

Предварительный анализ других источников памятника - Повести о папе Григории и "Сказания иеронима о Иуде-предателе" (история их текста изучена очень слабо) также не противоречит восточнославянской гипотезе происхождения Повести: они вполне могли быть известны на Руси ко времени появления апокрифа об Андрее Критском. К числу предполагаемых источников Повести в диссертации добавлены "Слово о некоем человеке блудном", один из вариантов Сказания об Иверской иконе богородицы и Повесть о Тимофее Владимирском (для распространенной редакции). Появление произведения, сотканного из множества "бродячих" мотивов и сюжетов, не противоречило и общим закономерностям русского литературного процесса этого времени - сходным путем возникли первые памятники русской беллетристики: повести о Дракуле, Басарге, "старце, просившем руки царской дочери". Кстати, подобно Повести о Басарге, рассматриваемое произведение содержит избыточные подробности и лишние сюжетные ходы - черта, присущая памятникам начального этапа становления отечественной беллетристики. Кроме того, многие мотивы Повести об Андрее Критском уже были хорошо известны русскому книжнику (тема предсказания, сбывшегося несмотря на противодействие героя, мотивы "Поликратова перстня" и заточения в погреб и др.). В тексте Повести нет иностранных реалий или варваризмов, ее автор плохо представляет себе место ее действия (отсюда появление фантастического "града Крита"), сильнее, чем в других обработках "Эдипова сюжета", ощущим в ней и сказочный колорит.

Все это свидетельствует в пользу гипотезы Н.К.Гудзия об оригинальности русской повести. Впрочем, окончательный ответ на вопрос о происхождении памятника возможен лишь после текстологического исследования других повестей о кровосмесителе.

второй раздел главы посвящен идейно-художественному своеобразию Повести, обеспечившему ее длительное сосуществование с другими обработками "Эдипова сюжета". Прежде всего, своеобразна жанровая природа памятника, находящегося как бы на перепутье между старыми нравоучительными жанрами и занимательной новеллой нового времени. Определение "житие" (принятое большинством переписчиков основной редакции Повести) явно дается по весьма формальному признаку (Повесть - рассказ о жизненном пути человека, ставшего святым); объяснимо оно лишь на фоне общих изменений самого агиографического жанра в конце XVI-XVII вв.

Особенно наглядно проявляется своеобразие Повести при сравнении с ее источниками и, шире, в контексте литературной традиции повествования о великих грешниках.

"Сказание Иеронима о Иуде-предателе" - типичная религиозная легенда, возникшая в борьбе с попытками оправдания Искарота гностическими сектами и доказывающая потому неизбежную закономерность его предательства. Соответственно этому, жизненный путь Иуды в "Сказании" строится как цепочка все более тяжелых преступлений и изображается с особой тенденциозной жесткостью (отсюда схематизм персонажей, скупость психологических комментариев, игнорирование острых и выигрышных поворотов сюжета).

Повесть о папе Григории - одно из средневековых произведений на "Эдипов сюжет", доказывающих всеисильность раскаяния. Ее композицию отличает трехчастность, характерная для религиозных легенд: грех - покаяние - прощение. Мораль повествования не только вложена в уста персонажей, но и вынесена в заглавие или концовку. Впрочем, в этом произведении дидактика довольно гармонично соединена с занимательностью (памятник генетически связан с рыцарским романом). Герой Повести о папе Григории функционально играет роль "великого грешника", хотя по своим личным качествам это скорее "человек вообще", волей судьбы поставленный в исключительные обстоятельства.

В агиографических повествованиях о великих грешниках (наиболее известный пример - Житие Марии Египетской) автор диссертации подчеркивает две особенности. Во-первых, греховная жизнь персонажей описывается предельно кратко и схематично. Во-вторых, переход героя от греховности к святости совершается мгновенно и зачастую немотивированно. Происходит как бы моментальная смена отрицательных качеств на положительные. Промежуточ-

ные состояния переносятся вовне (козни дьявола и "божье изволение"), их описания всецело подчиняются этикету.

Повесть об Андрее Критском - тоже "житие великого грешника", однако ее подход к традиционной теме весьма необычен. Трудно найти другое произведение этого рода, где праведной жизни преобразенного героя отводилось бы так мало места, а основное внимание было бы столь явно обращено на подробности его греховных походов. Привычные богословские комментарии к происходящему появляются в Повести далеко не регулярно и почти не заглушают мирских интересов создателя памятника. Причиной нравственного преобразования главного героя становится не чудо, а перенесенное им душевное потрясение, осознание своей страшной вины "паче всех человек". Сам главный герой наделен пусть не характером, но несколькими чертами, последовательно выдержанными на протяжении почти всего повествования (источник этих черт - Великий канон). Вследствие этого душевные движения Андрея (еще по-средневековому калейдоскопичные) обретают видимую цельность и даже правдоподобие. Указанная особенность позволяет отнести Повесть к числу первых, пусть не слишком удачных попыток изобразить многомерный человеческий характер.

Использование инцестуального конфликта в качестве иллюстрации тезиса о безграничности божьего милосердия обычно для средневековых обработок "Эдипова сюжета". Пафос Великого канона также определяла тема всеисильности раскаяния, однако в Повести об Андрее Критском она получила небывало острое воплощение, проявившись не столько в дидактике прямых назиданий, сколько в логике повествования, в обыгрывании темы на протяжении всего текста. Андрей - едва ли не наибольший грешник в ряду средневековых "Эдипов", причем преступления, которыми некогда доказывалась прирожденная порочность Иуды, соединяются здесь с именем популярного православного святого. Нагнетение нравственных падений героя ярко подчеркивает его головокружительный взлет к вершинам христианского идеала, ведь Андрей не просто получает прощение, как проложные и патериковые разбойники, но и удостоивается прижизненных чудес и 30 лет после этого праведно епископствует в Крите. Той же цели служит и "вставная новелла" о согрешивших монахинях, в которой фривольная тема мужчины в женском монастыре используется как основа еще одной вариации на тему всеисильности раскаяния.

Более того, названная тема воплощается в Повести парадоксально и даже с полемическим заострением. Тезис о божьем милосердии неожиданно становится предметом обсуждения и даже ожесточенных споров ("богословский диспут" Андрея со вторым иереем), весьма двусмысленно и цинично обыгрывается он во "вставной новелле".

Вопрос о причинах такой необычной трактовки темы остается пока открытым, хотя автор высказывает предположение о ее связи с духовной атмосферой последних лет правления Ивана IV, на которые, весьма вероятно, приходится появление памятника. Впрочем, его наблюдения в этом направлении носят самый предварительный характер и требуют дальнейших разысканий.

Нетрадиционность подхода к привычной схеме раскаявшегося грешника ощущалась первыми читателями Повести — древнейший фрагмент распространенной редакции сопровождался специальным поучением о необходимости почитания родителей, что, впрочем, не спасло текст от уничтожения. В этом же смысле показательны многочисленные дефектные списки и фрагменты Повести, а также довольно поздняя датировка первых полных списков ее основной редакции. В дальнейшем популярности памятника в известной мере способствовал его острый и драматичный сюжет, отвечавший возросшему в XVII веке интересу к человеческой личности, к необычным индивидуальным судьбам.

Как и некоторые другие произведения древнерусской литературы, Повесть об Андрее Критском как бы совершает в своем развитии циклическое движение: литературный памятник, созданный на основе фольклора и впитавший его образы, мотивы, стиль, возвращается в конце концов в устное народное творчество. Отношениям Повести с фольклором посвящен заключительный раздел второй главы.

Привлечение фольклорных параллелей — общее место исследований, посвященных обработкам "Эдипова сюжета". Однако в большинстве случаев оно носило характер предварительного сбора материалов без какого-либо анализа и тем более без выяснения закономерностей сосуществования и взаимодействия литературных и фольклорных обработок. Между тем их сравнительный анализ полезен как для изучения собственно литературных явлений, так и произведений фольклора (примеры этого содержат статьи Н.К.Гудзия о повестях на "Эдипов сюжет" и работа В.Я.Протца "Эдип в

свете фольклора").

Дополнительные основания для сравнительного анализа дает и текстологическое изучение повестей о кровосмесителе, обнаруживающее их удивительную вариативность и близкую к фольклорной свободу авторского начала. Это связано с известной светскостью самого сюжета, с трудом подгоняемого под шаблоны жанрового и ситуативного этикета, но композиционно близкого к народным сказкам и легендам о судьбе.

Приблечение фольклорных параллелей оказывается плодотворным в нескольких аспектах изучения Повести. Например, он может дать дополнительные материалы для выяснения вопроса о происхождении памятника. Кроме того, некоторые "несообразности" сюжета Повести, не объяснимые ни "изнутри" текста, ни с помощью его источников, "расшифровываются" в контексте очень древних фольклорных традиций или с точки зрения фольклорной поэтики (так, по закону хронологической несоемстимости двух театров действия не стареют мать Андрея и воспитавшие его монахины). Материалы фольклора проясняют некоторые явления, возникающие в процессе развития письменного текста. Наконец, заслуживают сравнения судьбы Повести в рукописной традиции и устном народном творчестве.

Рассмотрение конкретных фольклорных текстов предваряется выявлением общих закономерностей бытования "Эдипова сюжета" и, шире, инцестуальных сюжетов в устном народном творчестве. Вслед за Б.Н.Путиловым автор считает излишне категоричным мнение некоторых дореволюционных ученых о вторичности инцестуальных сюжетов в фольклоре и их принципиальной чуждости народному сознанию. Это, в частности, доказывается наличием в фольклоре по меньшей мере трех различных подходов к инцестуальному конфликту и соответственно трех разных оценок его, отразивших духовную жизнь народа на разных этапах его развития (первые две из них на более ограниченном материале отмечались в работах Б.Н.Путилова и Д.М.Балашова).

Первая, "эпическая", трактовка допускает инцест в целях сохранения рода; она наиболее архаична и в чистом виде сохранилась лишь у народов, стоящих на низких ступенях развития, и в Библии. Вторая, "балладная", трактовка расценивает инцест как ужасное, непрощаемое преступление. Отсюда возможными вариантами развязки становятся неизбежный позор и гибель согрешивших

либо своевременное предотвращение кровосмешения. Баллады подобного содержания известны у всех восточнославянских народов; возникновение их относится, вероятно, к эпохе восточнославянской этнической общности. Наконец, в легендах и сказках наблюдается третий, "легендарный", подход к инцестуальному конфликту, когда кровосмешение признается тяжким грехом, однако оно, как и всякий грех, может быть прощено после долгого покаяния. Такая трактовка восходит, несомненно, к книжным образцам.

Нечеткость и "многослойность" моральной оценки инцеста в устном народном творчестве усложняли процесс фольклорной адаптации повестей о кровосмесителе. Они в разной мере усваивались фольклором, активно контаминировали друг с другом и с легендами о раскаявшихся разбойниках, в устных обработках типа "Григорий", кроме того, всячески смягчался или исчезал эпизод сознательного инцеста родителей героя.

Далее в диссертации подробно рассматриваются 15 фольклорных обработок типа "Андрей Критский". Несомненно вторичные по отношению к книжным текстам, они теряют некоторые эпизоды (так, исчезает мотив праведной монашеской жизни прощенных грешников), имя героя перетолковывается в духе "народной этимологии" или вовсе отсутствует, постепенно утрачивается христианская идея повествования. Наблюдаемое иногда соединение "Эдипова сюжета" с сюжетом "Два великих грешника" привносит в текст бунтарскую идею искупительной силы убийства народного угнетателя. Но чаще повествование становится просто рассказом о необычном происшествии с мелодраматической или бытовой развязкой - легенда превращается в сказку. Таким образом, процесс обмирщения и беллетризации Повести, наметившийся в рукописной традиции, получает в фольклоре свое логическое завершение. Географическое распространение устных рассказов об Андрее Критском (юго-западные районы России, Украина, Белоруссия), вероятно, поможет определить место возникновения самого типа сюжета.

В заключении подводятся итоги исследования, подчеркивается его значение (работа позволяет уточнить общую картину формирования светского сюжетного повествования, в том числе представления о судьбах русской беллетристики в XVI веке), намечаются дальнейшие перспективы исследования как части комплексного изучения группы древнерусских повестей на "Эдипов сюжет".

Приложения включают стемму редакций и вариантов памятника, археографический обзор его списков, тексты всех семи редакций Повести, а также список использованной литературы и источников и список сокращений.

Основные положения диссертации освещены в работах;

1. К проблеме происхождения Повести об Андрее Критском // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс". Апрель 1977. Филология. Новосибирск, 1977. С.115-125 (под фамилией М.Н.Мимонова).
2. Опыт текстологии Повести об Андрее Критском // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1962. С.46-61.
3. Особая редакция Повести об Андрее Критском // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1962. С.219-223.
4. Повесть об Андрее Критском и фольклор. (некоторые аспекты сопоставительного анализа) // Рукописная традиция XVI-XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С.27-38.
5. К вопросу о художественных особенностях Повести об Андрее Критском // Проблемы литературных жанров. Материалы четвертой межвузовской научной конференции. Томск, 1983. С.16-20.
6. О художественном своеобразии Повести об Андрее Критском // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1965. С.41-51.
7. Вторичные редакции Повести об Андрее Критском // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1966. С.160-166.
8. Повесть о папе Григории // ТОДРЛ. Л., 1968. Т.41. С.80-83. (Исследовательские материалы для "Словаря книжников и книжности Древней Руси").
9. Повесть об Андрее Критском // ТОДРЛ. Л., 1968. Т.41. С.111-113. (Исследовательские материалы для "Словаря книжников и книжности Древней Руси").

Клиноз

Подписано к печати 16/01-1989г.

Бумага типографская № 2. Формат 60x84^I/16
п. л. I уч. изд. л. 0,9. Заказ 103. Тираж 120.

Ротапринт ТГУ. Томск, 29. Никитина, 4